

Российская культурология в новой парадигме модернизации

Рассматривается ситуация парадигмального выбора современной культурологии в контексте сложных трансформаций социокультурной реальности. Предпринимается анализ основных характеристик информационного общества и глобализирующегося мира, находящихся в ситуации качественных трансформаций и «текучести». Отмечается двойственная и противоречивая природа данных изменений, рождающих противоресы в виде локализации и ренессанса традиционных начал культур. Уделяется внимание концепту «переходности» и «стабильности», с присущими им тенденциями развития науки, включая науку о культуре. Характеристика общемировых тенденций социокультурной сферы сочетается с анализом процессов, составляющих ее содержание в современной России, общекультурная ситуация в которой тяготеет к выходу из переходного состояния, т. е. к формированию культурной целостности, или «монолита». Обозначается ситуация двойственности в интерпретации реальности и стратегий развития в современной культурологии.

Ключевые слова: российская культурология, парадигма, переходность, кризис, неопределенность, глобализация, информационное общество, стабильность

Svetlana N. Ikonnikova, Ivan V. Leonov

Russian culturology in new paradigm of modernization

The article discusses the situation of paradigmatic choice of modern culturology in the context of complex transformations of socio-cultural reality. The analysis of the main characteristics of the information society and the globalizing world in a situation of qualitative transformations and «fluidity» is undertaken. The dual and contradictory nature of these changes, giving rise to counterweights in the form of localization and renaissance of the traditional origins of cultures, is noted. Attention is paid to the concept of «transitivity» and «stability», with their inherent trends in the development of science, including the science of culture. The characteristics of the global trends in the sociocultural sphere are combined with the analysis of the processes that make up its content in modern Russia, the general cultural situation in which tends to exit from the transition state, i. e. to the formation of cultural integrity, or «monolith». The situation of duality in the interpretation of reality and development strategies in modern culturology is indicated.

Keywords: Russian culturology, paradigm, transitivity, crisis, uncertainty, globalization, information society, stability

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-6-10

В начале XXI в. в различных отраслях гуманитарных наук стремительно возрос интерес к обоснованию роли и значения культуры как всеобщего феномена человеческого бытия. В процессе глобализации и взаимодействия цивилизаций в научных исследованиях и социальной практике происходит смена парадигм.

Траектории модернизации современной России существенно зависят от уровня культуры, оказывающей преимущественное влияние на все стороны общественной и индивидуальной жизни, от ментальности народов, особенностей национального характера, освоения культурных ценностей, духовных предпочтений и гуманистических ориентаций, отношения к культурному наследию и перспективам демократического развития. В отличие от предшествующих эпох, когда культура рассматривалась лишь как

сфера просвещения и образования, в новых условиях культура становится важным фактором социального развития. От состояния культуры зависят эффективность экономики и бизнеса, успешность политических реформ, уровень организации и менеджмента, духовный облик среднего класса, деятельность социальных институтов науки и образования, отношения между людьми в повседневной жизни, преемственность поколений и сохранение культурного наследия. Именно культура создает и воспроизводит духовную привлекательность страны, определяет всеобщий интерес к истории и современности.

Это состояние общественного самознания и социальной реальности называют культуроцентризмом, «культурологическим сдвигом», существенным повышением роли культуры как фактора социально-экономических и духовных перемен. Всемирно извест-

ный академик Д. С. Лихачев называл XXI в. веком гуманитарной культуры, развития творческой деятельности человека, межкультурных связей и диалога между людьми, народами и государствами.

Культура России приобретает черты глобальной информационной системы. Возникают новые формы самоидентификации, ценностные ориентации, меняются прежние стереотипы, под влиянием новых условий постепенно формируется современный тип личности. Динамика инноваций в культуре особенно интенсивно реализуется и обостряется на фоне переходных процессов, когда новообразования возникают в различных сферах весьма спонтанно и неоднозначно, а их социальное влияние трудно прогнозировать. Рост социального расслоения, политических настроений, этнических миграций, религиозных верований, молодежных субкультур характеризует изменение ценностных ориентаций. Наряду с позитивными переменами в российском обществе сохраняется высокий уровень правонарушений и коррупции, в некоторых кругах растет недоверие к власти, искажаются семейные и дружественные связи. Культура, став частью комфорта и массового потребления, не может выстроить вертикаль духовного лидерства и совершенства. Массовые вкусы, невежество и примитивность все еще являются нормой облика многих современников. Эти социальные недуги требуют не только диагноза, но и разработки социальной стратегии культурной политики, опирающейся на комплекс эффективных «гуманитарных технологий» [1; 2]. Не менее важная задача заключается в создании социальных и духовных условий успешного взаимодействия разных социальных слоев, этнических групп, противоречивых политических убеждений, художественных вкусов, интересов и потребностей. Необходимо формирование духовной атмосферы в обществе, основанной на взаимном доверии и понимании, уважении достоинства личности.

Следует отметить, что культуроцентризм не рассматривает современную культуру как духовное возрождение, но отмечает зависимость сфер социальной жизни от уровня культуры, отражает глубину проблем, отсутствие однозначного ответа, необходимость преодоления устаревших схем и стереотипов, поиск новых ответов на вызовы современности [3]. Культура становится важным фактором национальной безопасности, и от культурного облика народа зависит авторитет и благополучие России.

Возрастание влияния культуры выдвигает особые требования к разработке научной методологии, философской и культурологической аналитики в исследовании новых тенденций. К исследованию культурогенеза как противоречивого процесса возникновения и развития новых форм культуры, источника инноваций и модернизации общества, привлечены многие отрасли гуманитарной науки, изучающие специфику новообразований в разных сферах. Однако не менее важным является культурологическое обоснование целостного представления о происходящих процессах, выявление взаимозависимости условий и следствий. В современных условиях преодоления кризисных симптомов несомненную ценность приобретает объединение интеллектуальных усилий ученых гуманитарных наук в раскрытии творческого потенциала культуры в процессе модернизации России.

Современный этап развития гуманитарных наук характеризуется обновлением теоретических концепций, языка описания и объяснения реальности, усилением и взаимопроникновением междисциплинарных связей, при сохранении своеобразия каждой науки [4], созданием нового культурного пространства. Это состояние науки называют «сменой парадигм», «научной революцией» или «гештальт-переключением», принципиальным изменением теоретического корпуса понятий и категорий, используемых для анализа процессов в развитии природы, общества, культуры и человека. Смена парадигм имеет всеобщий характер, является символом и знаком изменения фундаментальных принципов миропонимания и объяснения реальности. История науки многомерна, имеет различные стратегии и векторы, тупики и провалы, остановки и интервалы. Межпарадигмальные ситуации неоднократно возникали в истории технических, естественных и гуманитарных наук, отражая интеллектуальное состояние сознания научного сообщества, в котором развивается сопротивление устоявшимся догмам, разочарование в казавшихся незыблемыми концепциях, несоответствие теории практике. Это состояние весьма драматично: наука постепенно теряет авторитет и доверие, исследования оказываются невостребованными, ученые – ненужными, прежние заслуги подвергаются критике. Научные школы постепенно исчезают, их замещают совершенно иные подходы и принципы, на этой основе формируются новые научные объединения, развиваются современные идеи

описания и объяснения реальности. Однако научное сообщество достаточно авторитарно и консервативно, сопротивляется новым направлениям, отстаивая прежние теории, отвергая новые концепции как ненаучные, создавая ситуацию соперничества и конфликта. Идеинная борьба в таких условиях может сопровождаться запретом на публикации, отстранением от преподавания и подготовки молодых кадров.

В процессе научного «гештальт-переключения» на авансцену истории выходят новые концепции, постепенно приобретая авторитет и популярность. Нередко оказывается, что эти подходы намеренно отодвигались, пребывали «в тени» прежних научных систем. Именно они становятся основой модернизации науки и социального развития, поскольку новые процессы и явления не укладываются в прежние схемы, принципы становятся пустой фикцией, старые теории обнаруживают неспособность объяснения изменившейся реальности. Однако переход на новую парадигму происходит в течение многих лет, когда формируются новые теоретические конструкции, создается система понятий и категорий, определяются векторы перемен, разрабатывается стратегия позитивных изменений.

Смена парадигм означает фундаментальные перемены в мире, изменение статуса и авторитета науки, способов обоснования принимаемых решений, влияние на политические структуры, систему образования и массовых коммуникаций.

На фоне межпарадигмальности, ставшей следствием изменений социокультурной реальности, утрачивают смыслы многие теоретические концепции, как в точном, так и в гуманитарном знании. Тем не менее инерция общественного и индивидуального сознания упорно сохраняет и воспроизводит многие стереотипы, понятия, символы, идеи и ценности. В результате новые социальные структуры в экономике и политике, повседневной жизни и образовании сохраняют старые представления, которые одновременно «мертвы и живы». Возникает состояние, именуемое переходным, «маргинальным», эклектично соединяющим прежние понятия в новых структурах и требованиях. Постепенно процесс социального развития сметает стереотипы как устаревшие формы сознания и поведения, но, не предлагая новых ценностей, может вызвать настроения скептицизма, недоверия к наукам и власти, недовольство и разочарование. В науке данная ситуация воплощается в когнитивной дезориентации и разобщении

исследовательских направлений, росте скептических настроений и мистификации знания, уходе от ясных объяснений реальности в мир «интеллектуальных игр».

Указанные аспекты неопределенности, характерные для современного общества, являются предметом многочисленных и острых дискуссий. Информационное, сетевое, «открытое» общество – утверждают одни. Постиндустриальное, эпоха постмодерна, рыночное общество риска, посткапиталистическое – определяют другие. Социальные процессы и тенденции современности описывают в терминах глобализации, модернизации, трансформации. Вопрос, как называть современное общество, остается неясным, стратегия изменений все еще содержит некоторую степень неопределенности [5; 6]. Вопрос «что строим?» – все еще остается открытым.

Прежнее состояние общества отличалось четкой социальной, экономической, политической структурой, почитанием идеологических, нравственных ценностей и традиций, ограничением свободы, подчинением власти и закону. Эти черты в разной степени были присущи социалистическому и капиталистическому строю, либеральному или тоталитарному режиму. Это было общество монолитной структуры «твердых тел», имеющих четкие очертания, не поддающихся глобальным переменам. Сохранение монолита было главной стратегией идеологической, политической деятельности и управления. Наука о культуре в данной ситуации носила парадигмально обусловленный характер, развиваясь только в допустимых теоретико-методологических и тематических рамках, при высокой роли политико-идеологической компоненты, направленной на формирование культуры и человека определенного типа.

Однако монолиты крепки, но не вечны. Они также подвержены старению, от них откалываются отдельные структуры, они рассыпаются и исчезают. Происходит «плавление», разжижение твердых тел, еще недавно считавшихся незыблемыми. Твердые структуры – такие как власть, государство, социальные институты – меняют не только форму, но и содержание. Они теряют четкие очертания, становятся устаревшими, не выполняют своих социальных функций и культурного назначения. Социальная система пребывает в состоянии стагнации, застоя, постепенной утраты своих достоинств и возможности. Для того чтобы двигаться вперед, надо «снять тормоза», увеличить подвижность и способность к переменам, открыть простор инициативе. Эти идеи либерализации и демократизации

для преодоления застоя были восприняты идеологами перестройки.

Для обоснования новой стратегии высказывались различные идеи и теоретические концепции. Немецкий исследователь Клаус Оффе в книге «Узы, кандалы, тормоза» отметил, что либерализация должна ослабить жесткое регулирование и ограничение свободы, создать гибкие структуры управления [7, с. 248]. Социолог Ульрих Бек в работе «Политика в обществе риска», назвал состояние общества «вторая современность», которая развивается в форме Великого Отказа от всех позиций и ценностей предыдущего периода, растворения прежних классов и сословий, смены социальных институтов власти, разрушения традиций и норм, изменения финансовой системы, визового режима, графика труда и отдыха [7, с. 248].

Почетный профессор Варшавского университета Зигмунт Бауман в книге «Текущая современность» предложил считать «текучесть» подходящей метафорой для понимания культурных процессов [8, с. 8]. Текущая современность полна неожиданных поворотов, непредвиденных изменений, когда основное русло может обмелеть или разлиться на множество самостоятельных ручейков. Недолговечность и ненадежность человеческих связей и отношений – своеобразная и горькая плата за «разжижение» современного мира. Новое общество увеличивает социальную мобильность во всех сферах жизни. Наступает эра превосходства «кочевого» образа жизни, смены профессий, мест работы, стран и городов проживания, брачных партнеров, форм повседневной жизни. Подвижность, мобильность, миграция становятся показателями современной культуры, границы – прозрачными, свободными от идеологических, финансовых и иных барьеров. Эра доминирования оседлости над подвижностью заканчивается, считает З. Бауман. Текучесть – наиболее удачная метафора переходной культуры. В ней все легко перемещается, подвижно, изменчиво, перетекает из одного в другое, переливается, просачивается, неожиданно всплывает, меняет формы. Жидкости способны растворять твердые структуры, препятствия легко обтекают. Они постепенно разрушают «защитную броню» прежних ценностей и представлений о мире. Это вызывает психологический стресс, наносит социальную травму сознанию, создает ситуацию дискомфорта, дезориентации, неопределенности будущего. В таких условиях, если новый мир не выдвигает новых идей и ценностей, которые могут увлечь человека, неизбежно может наступить время разочарования в новых временах, скептическое отношение и ностальгия по прошлым временам.

Тем не менее, как и в случае с монолитами, переходные процессы не длятся вечно. Неопределенность современного мира в целом, и внутрироссийской ситуации в частности, не обязательно должна восприниматься как итоговая и долгосрочная форма социокультурной реальности. Процессы глобализации рождают локализацию, выраженную в стремлении различных культур к возрождению и сохранению своих ментальных и традиционных основ; «цивилизационный дрейф» многих культур приводит к их качественному обновлению согласно реалиям времени; глобальное противостояние провоцирует налаживание различных форм диалога. Многие пессимистичные прогнозы ставятся под сомнение.

В культуре России, во многом все еще пребывающей в условиях перехода, намечились пути стабилизации, выраженные в новых цивилизационных ориентирах, смыслах и ценностях, в устойчивости властной вертикали и политических институтов, во взвешенной культурной политике, в решении многих проблем, характерных для постсоветского пространства. Данная двойственная ситуация создает интригу парадигмального выбора в науке о культуре, выраженную в установке на ясность или неопределенность происходящих в культуре и обществе процессов, в акцентах на интеллектуальный плюрализм или на однообразное толкование их сути, в ставке на реализацию прикладных возможностей науки о культуре, способной влиять на общество, или на продолжение свободного самоусложнения знания в пространстве переходной реальности. Можно сказать, что в настоящее время научное сообщество в оценке современных социокультурных реалий разделилось. Соответственно, ситуация парадигмального самоопределения культурологии все еще остается открытой.

Список литературы

1. Идентичность как навигатор сознания: монография / Х. Г. Тхагапсоев, Л. М. Мосолова, И. В. Леонов, В. Л. Соловьева. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. 170 с.
2. Астафьева О. Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 32–41.
3. Большаков В. П. Проблемы современной культурологии и культуры: монография. Москва: Проспект, 2018. 230 с.
4. Докучаев И. И. Трансгрессия и редукция: пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурология //

Мир культуры и культурология: альманах / Науч.-образоват. культурол. о-во России. Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2018. Вып. 6. С. 60–66.

5. Кондаков И. В. «Смысловая неопределенность» как феномен культуры // Мир культуры и культурология: альманах / Науч.-образоват. культурол. о-во России. Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2018. Вып. 6. С. 12–23.

6. Кондаков И. В. Цивилизационный дрейф постсоветской России // Мир культуры и культурология: альманах / Науч.-образоват. культурол. о-во России. Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2016. Вып. 5. С. 144–158.

7. Иконникова С. Н. «Текучесть» как метафора современного общества // Тр. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2008. Т. 180: Мировая политика и идейные парадигмы эпохи. С. 247–251.

8. Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 238 с.

References

1. Tkhaqapsoev Kh. G., Mosolova L. M., Leonov I. V., Solov'eva V. L. Identity as navigator of consciousness: monograph. Saint Petersburg: Asterion, 2016. 170 (in Russ.).

2. Astaf'eva O. N. National and cultural identity in context of globalization: complex vector of development. *Vestnik of Moscow State Univ. of Culture and Arts*. 2016. 5 (73), 32–41 (in Russ.).

3. Bol'shakov V. P. Problems of modern culturology and culture: monograph. Moscow: Prospekt, 2018. 230 (in Russ.).

4. Dokuchaev I. I. Transgression and reduction: ways of integration of social-humanitarian sciences and culturolog. *World of culture and culturology: almanac / Sci. and Educational Cultural Soc. of Russia*. Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 6, 60–66 (in Russ.).

5. Kondakov I. V. «Semantic uncertainty» as phenomenon of culture. *World of culture and culturology: almanac / Sci. and Educational Cultural Soc. of Russia*. Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 6, 12–23 (in Russ.).

6. Kondakov I. V. Civilizational drift of post-Soviet Russia. *World of culture and culturology: almanac / Sci. and Educational Cultural Soc. of Russia*. Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2016. 5, 144–158 (in Russ.).

7. Ikonnikova S. N. «Fluidity» as metaphor for modern society. *Proc. of Saint Petersburg State Univ. of Culture*. 2008. 180: World politics and ideological paradigms of epoch, 247–251 (in Russ.).

8. Bauman Z. Flowing modernity. Saint Petersburg: Piter, 2008. 238 (in Russ.).